

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)1

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. М. В. Первушин
г. Москва, Россия

ОБРАЗ ДОВМОНТА-ТИМОФЕЯ В ЦИКЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ О ПСКОВСКОМ КНЯЗЕ

Аннотация: Статья посвящена произведению древнерусской литературы старшего периода «Повести о Довмонте». Сведения о личности псковского князя Довмонта содержатся в литовских, псковских и общерусских источниках, при этом основной признается псковская «Повесть о Довмонте». «Повесть о Довмонте» — это собирательное наименование произведений древнерусской литературы, повествующих о событиях XIII в. у северо-западных границ Русской земли, в которых главным действующим лицом был псковский князь Довмонт-Тимофей. Это не цикл произведений в прямом (литературоведческом) смысле, и даже не серия рассказов о конкретном герое с повторяющимися сходными сквозными мотивами. К этой серии скорее подходит наименование «источниковедческий» цикл. Повесть о Довмонте, переходя из летописи в летопись, претерпевала изменения от особых идейно-политических тенденций в обработке текста до увеличения объема текста или его сокращения, стилистических упрощений в тексте, в результате которых сообщения о Довмонте приобретали сугубо деловой вид или же, наоборот, более литературный, определенно жанровый и которые необязательно соответствовали общему характеру редакторской правки в данном памятнике. Редакции, рассмотренные в статье, — Проложная, которая известна только в двух списках, обе рукописи датируются концом XIV – началом XV вв.; и редакция в Псковской 1-й летописи (П1Л). В истории русской святости этот благоверный князь, пожалуй, единственный святой, который имеет столь много таких разных литературных портретов в различных редакциях Повести.

Ключевые слова: Псков, воинская повесть, Довмонт, князь, образ, цикл.

Информация об авторе: Михаил Викторович Первушин — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. E-mail: 1609pm@gmail.com

Дата поступления статьи: 12.01.2018

Дата публикации: 15.09.2018

Для цитирования: Первушин М. В. Образ Довмонта-Тимофея в цикле произведений о псковском князе // Вестник славянских культур. 2018. Т. 49. С. 135–144.

С именем Довмонта (литов. *Daumantas*) [1, с. 238], псковского князя литовского происхождения, в исторической традиции связывают обретение Псковом фактической независимости от Великого Новгорода. Сведения об этой личности содержатся в литовских, псковских и общерусских источниках, при этом основной признается псковская «Повесть о Довмонте» [6, с. 4; 8, с. 351], наиболее раннюю редакцию которой исследователи относят к XIV в., наиболее позднюю — к XVII в. [7] (подробнее чуть ниже).

Сразу отметим, что «Повесть о Довмонте» — это собирательное наименование произведений древнерусской литературы, повествующих о событиях XIII в. у северо-западных границ Русской земли, в которых главным действующим лицом был псковский князь Довмонт-Тимофей. Это не цикл произведений в прямом (литературоведческом) смысле, и даже не серия рассказов о конкретном герое с повторяющимися сходными сквозными мотивами. К этой серии скорее подходит наименование «источниковедческий» цикл (по определению А. С. Демина [3]) — продолжатели и повторители «Повести» «положили начало циклу иного типа, существовавшему лишь в памяти книжника». «Упомянем также летописный рассказ “О убьенньи Борисове” из “Повести временных лет” и анонимное “Сказание о Борисе и Глебе”, фразеологически очень близкие Продолжатель и повторитель летописной статьи анонимный автор “Сказания” (придерживаемся мнения С. А. Бугославского о связи данных памятников) положил лишь возможное начало циклу иного типа, существовавшему лишь в памяти книжника и выпячивавшему во многочисленных фразеологических повторах фактическую историю убийства названных князей. За таким “источниковедческим” циклом было будущее» [3, с. 651].

Повесть о Довмонте, переходя из летописи в летопись, претерпевала изменения от особых идейно-политических тенденций в обработке текста до увеличения или сокращения объема текста, стилистических упрощений в тексте, в результате которых сообщения о Довмонте приобретали сугубо деловой вид или же, наоборот, более литературный, определенно жанровый и которые необязательно соответствовали общему характеру редакторской правки в данном памятнике.

К произведениям, входящим в этот «источниковедческий» цикл, относятся те из них, которые имеют наибольшее число различий в представлении жизни, деятельности и личности псковского князя Довмонта с момента его вокняжения во Пскове в 1266 г. и до смерти в 1299 г. К ним относятся Проложная редакция (сохранившимся рукописям, конец XIV в.), редакция Псковской 1-й летописи (по списку XVII в., хотя сам памятник А. Н. Насонов [5, с. 9–44] датирует XV в.), редакция Псковской 2-й летописи (конец XV в.), редакция Сокращенной литовской летописи (XVI в.), Хронографическая редакция (XVI в.), Средняя редакция (XVI в.), Распространенная редакция (XVII в.) [6, с. 166–230], а также гимнографические памятники XVII в. — богослужение князю, тропари и совместный канон Довмонту и Всеволоду-Гавриилу.

В этот список памятников современная исследовательница В. И. Охотникова добавляет еще 3 Псковскую летопись, которая, на наш взгляд, мало что привносит в уже сложившийся образ князя, а лишь с небольшими и несущественными расхождениями дублирует уже сказанное в редакции Псковской 1-й летописи, в отличие, например, от Псковской 2-й летописи, которая значительно отличается от редакции 1-й и 3-й образом князя.

Рассмотрим источниковедческий цикл произведений о князе Довмонте по порядку появления литературных произведений, разбирая не исторический нарратив о псковском князе, а литературное произведение, рассказывающее о жизни Довмонта.

Проложная редакция

Начнем с Проложной редакции. Проложная редакция известна только в двух списках, обе рукописи датируются концом XIV – началом XV вв., однако датировка самого произведения согласно Н. И. Серебрянскому — середина XIV в. [10, с. 265], согласно В. И. Охотниковой — вторая четверть XIV в. [6, с. 66].

Проложная редакция дает очень краткую, в несколько строк, характеристику жизни и деятельности Довмонта. Ее текст обнаруживает сходство с редакцией Псковской 1-й летописи и редакцией Псковской 2-й летописи, но определенно решить вопрос о том, восходит ли Проложная редакция к ним или, наоборот, сама является их источником, невозможно.

Итак, Проложная редакция — это повествование о блаженном и благочестивом князе, человеке спокойном и размеренном, который оставил свое отечество «некыя ради мужа». Он «приде» во Псков «съ всемь родомь своимь» и «крестися» [6, с. 188].

Автор особо выделяет только один военный поход Довмонта — на землю Литовскую. Об остальных он пишет собирательно — «многы грады немечьскыя плени, и пълкы их присекая», во время которых он «страшн ратоборць быв» [6, с. 188]. Касательно первого военного похода на Литву необходимо отметить, что еще в начале повествования Проложной редакции упоминается автором: князь был «литвин родом» и «покланялся идолом» [6, с. 188]. Однако о причинах военных действий против родной земли в повествовании нет ни слова. Единственное объяснение, которое может сформировать у себя читатель, исходя из дальнейшего повествования, — это борьба с язычеством в Литве. Почему? Во-первых, его поход и пленение Литвы, а также победа над «погоней великой» [6, с. 188] стали возможными только благодаря помощи Святой Троицы и святого мученика Леонтия. Вряд ли неблагочестивые намерения князя могли бы поддерживаться высшими силами. Во-вторых, князь «на мнзех бранех» показал не только свое мужество, но и «добрый нрав» [6, с. 188], что тоже говорит скорее о княжеском благочестии в войнах, чем о присутствии у него злого умысла.

Кроме того, в Проложной редакции Довмонт прославился украшательством церковей и уветливостью. Правда, слово это имеет разные значения: 1) умел давать добрые советы [13, с. 319], 2) был тем, кого легко можно было склонить на свою сторону, т. е. благосклонным [4, с. 748], 3) приветливым [14, с. 1127], 4) утешителем [15, с. 724]. Если посмотреть разночтения в разных списках этой редакции, то в рукописи XV в. слово «уветливый» заменено словом «милостивый».

Еще нам известно об особом внимании князя к духовенству. Трижды говорится сначала о княжеской любви, затем — о кормлении, а потом — о даянии им. И духовенство, видимо, платило князю тем же. По свидетельству автора произведения, проводить в последний путь преставившегося князя пришли все «поповьство, и игумени, и вси черноризци <...> с похвалами и песньми и пенинии духовными» [6, с. 188]. Всеобщую жалость простого люда — «плакаху его» — можно объяснить как той самой уветливостью, так и любовью к нищим, о которой тоже пишет Проложная редакция [6, с. 188].

Таким образом, перед нами вырисовывается величественная фигура князя, точно знающего, что ему надо. Он размерен и спокоен. Он смел, бесстрашен, он расчетлив и справедлив, но никогда не опустится до низменных чувств — трусости, мести и т. п. Он уважает подданных и уважаем ими. Образ его вполне достоин быть в ряду прочих святых Пролога, где он и был помещен.

Повесть в Псковской 1-й летописи (П1Л)

Здесь портрет князя иной. С первых строчек исчезает спокойный, размеренный и уверенный в себе князь Проложной редакции. Довмонт объят страхом. Автор дважды (на первых трех строках рукописи) указывает на побег князя из Литвы во Псков и его причинах: «Взя Воишегл землю Литовскую» и «прибеже Довмант во Псков»; «побишася Литва межи собою», «оставль очьство свое» и «прибеже во Псков» [6, с. 189]. Причем с такой же динамикой автор сообщает о крещении князя: «и прибеже <...> и крестися» [6, с. 189]. Это действие князя воспринимается читателем словно поставленное псковичами условие. Только после этого молниеносного сообщения — 6 глаголов действия на первые три строки рукописи, — опомнившись от произошедшего, автор замедляет свое повествование о князе, повторяя сказанное, но уже другими словами, этикетными, если хотите.

Однако столь динамичное начало и сообщение в нем о крещении Довмонта уже никак не сочетается с такой традиционно-топосной картиной крещения, которая следует далее: «Егда Бог восхоте избрати <...> вдохну в онь благодать <...> взбнув, яко от сна» [6, с. 189]. Более того, эта топосность рассказа о крещении Довмонта раскрывает его как человека, мягко говоря, не до конца самостоятельного, так как в принятии решения о крещении князь «помысли» не сам, а коллективно — со «своими бояри» [6, с. 189], даже несмотря на осененную его благодать и христианское (а не языческое, как, например, при Владимире Святославовиче) окружение. Довмонт как будто сомневается в нужности этого поступка, советуется, ищет поддержки. Впрочем, решение о крещении было выгодно как князю, так и псковичам. И князь обрел новую родину, псковичи — официального, независимого, настоящего правителя-князя, а с ним и полноценную княжескую республику. Автор отмечает «радость велику» во Пскове, так как «посадиша его псковицы на княжение» [6, с. 189] — опять проглядывает некоторая несамостоятельность князя, его словно и не спрашивали о желании сесть на псковский стол.

Княжеская корысть в принятии крещения и псковского стола читается во мгновение начавшейся военной операции Пскова против Литвы («по неколицех днех» [6, с. 189], т. е. по прошествии всего нескольких дней). И если со стороны князя можно усмотреть желание отомстить за насильно потерянное отечество, то со стороны псковичей корысть могла быть только в наживе, о чем, не скрывая, и пишет автор этого произведения. Он дважды упоминает «множество полона» [6, с. 189], т. е. военную добычу (то, что захвачено [12, с. 241–242]), и единожды — «многую корысть» [6, с. 190], с которой псковичи возвратились ко Пскову. Желанием сохранить награбленное можно объяснить тактическую мудрость Довмонта. Отправив большую часть войска с полном домом, он остался с малой дружиной ожидать погони. Здесь, в этом ожидании погони, читается то, что князь пошел на Литву, зная свою безнаказанность, в тот момент не было князя с войском там, куда шел Довмонт, и быстрота сбора и похода туда — несколько дней — это доказывает.

Правда, опять, как и в начале повествования, автор хочет придержать динамику рассказа и прикрыть истинные причины похода традиционными мотивами помощи воинству Святой Троицы и молитвами святого Леонтия, а также благоверного князя Всеволода. Но получается это у него несколько куце, не к месту, не профессионально. Вкладывая в уста князя топосное пожелание помощи Божией, автор сбивчив — «помози вам Бог и Святая Троица» [6, с. 189] (во всех редакциях без разночтений), или

княжеские слова, обращенные к псковичам, — «кто стар, то отец, а кто млад, то брат» [6, с. 189] — мало понятны, если не знать их первоначальной формулы.

Кроме того, описывая первый военный поход князя, автор Повести вновь представляет Довмонта как человека не до конца самостоятельного в принятии решений. Только место бежавших с ним бояр занимают мужи-псковичи, которые являются не просто подданными, но и добрыми советчиками и помощниками князю. Именно с ними «по николицех днех» помысли князь «ехати и пленити» Литву, именно с ними «ехав», «плени», «повоева» и «взратися» [6, с. 189]. Даже, казалось бы, благое намерение князя отпустить выполнивших свое задание двух стражей-псковичей домой, вызвало у них протест, непослушание и, более того, дерзновенное указание самому князю, что надо бы ему сделать: «Полезата долов (слезайте с коней [12, с. 210]) <...> Не лезеве долов <...> А ты, господине княже, поеди борзо с мужи плесковичи» [6, с. 189]. Довмонт зависим от псковичей, без них он не справится с Литвой. Об этом он говорит и в обращении к ним перед окончательной битвой — отражением погони, как бы прося их встать «за свое отечество».

В целом же первая битва князя описана с крайне патриотических псковских позиции, в которых роль князя Довмонта далеко не первая, как, казалось бы, должна была быть в Повести о нем. Единственное, что импонирует псковичам в Довмонте, — это забота князя о них: он не побежал снова в Псков, чтобы не подвергнуть как сам град, так и посад опасности разорения, а остался мужественно дожидаться Литву.

Скажем также, что в этом произведении 1-й Псковской летописи нет эпизодов мирной жизни, нет других заслуг князя, кроме ратных. Рассказы о битвах идут один за другим, без связок и переходов. Создается впечатление, что время княжения Довмонта было временем непрерывной войны.

В рассказе о второй битве, в которой участвовал псковский князь, он также не был главным героем. В первую очередь речь здесь идет о великом князе Дмитрие Александровиче, тесте Довмонта и совместном военном походе новгородцев и псковичей к Раковору (Раковорская битва, нем. *Schlacht bei Wesenberg* — битва, состоявшаяся 18 февраля 1268 г. между армиями северорусских княжеств и объединенными силами рыцарей Ливонского ордена и Датской Эстляндии вблизи крепости Везенберг), и не только. После разгрома немцев объединенное русское войско отправилось через непроходимые горы на вируян (сегодня это область Эстонии на северо-востоке современной территории страны) и «плени землю их и до моря» [6, с. 190]. Автор отмечает храбрость совместного войска, и множество захваченного «полона», и то ужасающее впечатление, которое они произвели «на вся земля» [6, с. 190]. Но по прочтении этого рассказа не остается сомнений во второстепенной роли псковского князя. Он лишь помощник новгородцам.

За вторым рассказом следует сразу третий, посвященный, как и первый, мести Довмонта за нанесенную обиду, — в данном случае разорение псковских окраин. И хотя в первом рассказе мы лишь предполагали истинные причины похода Довмонта на Литву, то в третьем уже явно сказано: «боголюбивый же князь Довмонт не терпя обидим быти» [6, с. 190]. Князь дважды назван «боголюбивым» [6, с. 190]. Можно лишь предположить, что описание довмонтовой победы, слишком жестокой («пожже <...> изсече» [6, с. 190, 191]), и нетерпеливое княжеское безрассудство («малою дружиною» [6, с. 190]) требовало некоторого оправдания князя перед читателем. Но эпитет этот выглядит как белые нитки на черной ткани, впрочем, как и вставки в первом рассказе, о которых говорилось выше.

Параллель третьего эпизода с первым очевидна. Это и помощь Троицы, и святого, празднуемого в день победы, и князя Всеволода-Гавриила. Это и фразеологические повторы: «бысть радость и веселие» — «бысть веселие и радость»; «пособием Святыя Троицы», «о пособии Святыя Троицы» — «о пособии Святыя Троицы»; «в Двине истопоша» — «истопоша в воде»; «и возвратишася <...> ко Пскову» — «и возвратися во град Псков» и т. д.

Цикличность эпизодов усиливается последующими рассказами о военных походах князя — четвертым, пятым и шестым. Мы наблюдаем здесь целый цикл из пяти рассказов о военных походах Довмонта, связанных сходными деталями и сходной, но варьирующейся фразеологией. Причем дальнейшая динамика повествования только ускоряется. Автор опускает описания возвращений князя с войском во Псков и их радостные встречи жителями, будто бы они и не возвращаются уже, ожидая последующих битв вне городских стен. В Повести даны лишь четкие временные ориентиры того или иного сражения, для большей убедительности происходящего: «по мале времени бысть знамение в луне» [6, с. 191] или «тогда беяше и мор на людех зол» [6, с. 192]. Что придает еще больше реалистичности повествование. Что же касается черт для портрета князя, то описание этих битв (с 4 по 6) практически не добавляют еще каких-либо штрихов к описанному ранее, а лишь приумножают уже указанные им черты. Довмонт во всех этих эпизодах крайне нетерпелив («не дождав полков», «не стерпя дождати мужий», «не терпя обидим бытии» — дважды [6, с. 191, 192]) и безрассуден. Он постоянно рвется в бой малой дружиной, что автор объясняет «множеством ярости мужества» [6, с. 191] князя и его «храбрством» [6, с. 192], но это нравится автору. И словно понимая, что это не совсем притягательные черты, он уравнивает их упоминанием княжеского боголюбства, предваряющее все эти эпизоды.

Оканчивая Повесть, автор вновь указывает на боголюбство Довмонта, и то, как он его проявил в мире: «церкви украшая», «вся праздничи честно проводя», заботясь о священстве, монашестве, нищих, сиротах и вдовицах, потому по преставлении княжеском «плакахуся его <...> и бысть же тогда жалость велика» [6, с. 192] во Пскове. Однако в положенном княжеском славословии Довмонт стоит только на третьем месте, после Александра Ярославича и Дмитрия Александровича, да и то не один, а с «его мужи псковичи» [6, с. 192], что еще раз подтверждает общий сдержанный настрой Повести в Псковской первой летописи по отношению к князю Довмонту.

Впечатление историчности, объективности рассказа о Довмонте усиливается тем, что Повесть не имеет формы повествования от автора. Авторское повествование вносит в текст экспрессивно-эмоциональное отношение к событиям, которое проявляется как непосредственно в восклицаниях, в комментариях, в прямых оценках, так и в общей стилистической тональности произведения. Их отсутствие в Повести придает ей фактологическую строгость, производит впечатление исторической достоверности [6, с. 154].

Повесть о Довмонте лишена назидательности и отвлеченности, соотнесенности исторических событий с надвременным, вечным, открывающей в явлениях реальной жизни высокий смысл. Ее повествовательную манеру характеризует стремление к конкретности, обстоятельности, и в этом отличие Повести о Довмонте от других произведений, агиографических по своему содержанию и составу.

Появление в XVI в. новых редакций русских житий, в том числе и псковских, было связано с деятельностью митрополита Макария по канонизации русских святых и составлению Четых Миней. Из числа псковских святых в общероссийский пантеон

святости вошли: Евфросин, Савва, Всеволод-Гавриил... Почитание Довмонта не было подтверждено на макарьевских соборах, не было составлено и новой редакции жизнеописания Довмонта в духе и стиле житий макарьевской школы. Все это свидетельствует о том, что отношение Церкви к Довмонту и его жизнеописанию было неоднозначным, что не удивительно, судя по разобраным образам князя. Мнения исследователей относительно того, почему Довмонт не был включен в число общечтимых русских святых, расходятся. Е. Е. Голубинский считал, что чествование Довмонта как достаточно установившееся не нуждалось в утверждении на соборах [2, с. 71]. Это мнение противоречит утверждению почитания Всеволода-Гавриила, жившего на 100 лет раньше Довмонта и настолько же раньше начавшего почитаться, но утвержденного к почитанию только в XVI в. Н. И. Серебрянский полагал, что для канонизации Довмонта не было серьезных оснований, содержание Повести не давало оснований увидеть в ее герое воплощение идеала святости. И даже наличие чуда в Средней и Хронографической редакциях, рассказывающее об исцелении слепой у раки Довмонта, не смогло убедить Собор в святости главного героя [11]. В. И. Охотникова предполагает, что в Пскове не существовало ни письменных источников, ни устных преданий о чудесах Довмонта [6, с. 159]. А Московский летописный свод конца XV в. (1479) [9, с. 145–158] совсем умаляет образ святого князя, стиль становится лаконичным, деловым, «на заметку», без пафоса встреч и ярких речей, молитв и литературных подробностей, вместо блаженно-го он назван «неким», отсутствуют слова о мужестве князя и т. п.

Таким образом, в истории русской святости этот благоверный князь, пожалуй, единственный святой, который имеет столь много и таких разных литературных портретов в различных редакциях Повести.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Андреев А. Р.* Князь Довмонт Псковский. М.: Межрегиональный центр отраслевой информатики Госатомнадзора России, 1998. 257 с.
- 2 *Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в Русской церкви. М.: Имп. общество истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1903. 606 с.
- 3 *Демин А. С.* Материалы для монографии о художественной эволюции древнерусской литературы // Герменевтика древнерусской литературы / отв. ред. М. В. Первушин. М., 2014. Сб. 16–17. С. 649–678.
- 4 *Дьяченко Г.*, свящ. Полный церковно-славянский словарь. М.: Издат. отдел Московского Патриархата, 1993. 1158 с.
- 5 *Насонов А. Н.* Из истории псковского летописания // Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянской культуры, 2003. Т. 5: Псковские летописи. Вып. 1. 256 с.
- 6 *Охотникова В. И.* Повесть о Довмонте. (Исследования и тексты). Л.: Наука, 1985. 232 с.
- 7 *Охотникова В. И.* Повесть о псковском князе Довмонте (К вопросу об источниках и авторе Распространенной редакции) // Труды отдела древнерусской литературы. Л.: Изд-во АН СССР, 1979. Т. 33. С. 261–278.
- 8 *Охотникова В. И.* Псковская агиография XIV–XVII вв. Исследования и тексты: в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. Т. 1: Жития князей Всеволода-Гавриила и Тимофея Довмонта. 576 с.
- 9 Полное собрание русских летописей. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. Т. 25: Московский летописный свод конца XV века. 464 с.

- 10 *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития: обзор редакций и тексты. М.: Синодальная тип., 1915. Ч. 1. 175 с.
- 11 *Серебрянский Н. И.* О церковном чествовании св. благоверного князя Довмонта-Тимофея // Псковские епархиальные ведомости. 1905. № 18. С. 417–422.
- 12 Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1990. Вып. 16. 295 с.
- 13 Словарь церковно-славянского и русского языка. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1847. Т. 4. 488 с.
- 14 *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1893. Т. 3, ч. 2. 1420 стб.
- 15 Старославянский словарь / под ред. Р. М. Цейтлин и др. М.: Русский язык, 1999. 842 с.

© 2018. Mikhail V. Pervushin
Moscow, Russia

IMAGE OF DOVMONT-TIMOTHY IN THE CYCLE OF WORKS ABOUT THE PSKOV PRINCE

Abstract: The present article is to study the “Narrative about Dovmont”, the Old Russian literary work of the older period. The information about Dovmont, prince of Pskov, is contained in Lithuanian, Pskov and other common Russian sources. However, the “Narrative about Dovmont”, originated in Pskov, is considered to be the main source. The “Narrative about Dovmont” is a collection of the Old Russian literary works telling us about the 13th century events on the north-west border of Russia and depicting their main protagonist Dovmont-Timothy, prince of Pskov. Yet it is not a cycle of works in the true (literary) sense of the word, nor is it a series of tales about a concrete character related to some similar repeated events. It should rather be called the historiographic cycle. The “Narrative about Dovmont”, passing from one chronicle into another, underwent certain changes ranging from political views expressed in the text treatment to increasing or decreasing text volume. Furthermore, under the influence of stylistic simplification of the text, the information on Dovmont could acquire a more businesslike style, or, on the contrary, more literary one of a particular genre, which didn’t often correspond to the general character of the text revision. The paper has addressed following text versions: Prolozhnaya which is known only in two handwritten variants (both dated back to the end of the 14th — beginning of the 15th century); the version in the 1st Chronicle of Pskov. Among the lives of the Russian saints, prince Dovmont, perhaps, is the only saint notable for having various literary images in different text versions of the “Narrative”.

Keywords: Pskov, military novel, Dovmont, Prince, image, cycle.

Information about author: Mikhail V. Pervushin — PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25 a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: 1609pm@gmail.com

Received: January 12, 2018

Date of publication: September 15, 2018

For citation: Pervushin M. V. Image of Dovmont-Timothy in the cycle of works about the Pskov prince. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 49, pp. 135–144. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Andreev A. R. *Kniaz' Dovmont Pskovskii* [Prince Dovmont of Pskov]. Moscow, Mezhtseleobrazovatel'skii tsentr otraslevoi informatiki Gosatomnadzora Rossii Publ., 1998. 257 p. (In Russian)
- 2 Golubinskii E. E. *Istoriia kanonizatsii sviatykh v Russkoi tserkvi* [History of canonization of saints in the Russian Church]. Moscow, Imp. obshchestvo istorii i drevnostej ros. pri Mosk. un-te Publ., 1903. 606 p. (In Russian)
- 3 Demin A. S. Materialy dlia monografii o khudozhestvennoi evoliutsii drevnerusskoi literatury [Materials for a monograph on the artistic evolution of Old Russian literature]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian literature], executive ed. by M. V. Pervushin. Moscow, 2014, vols. 16–17, pp. 649–678. (In Russian)
- 4 D'iachenko G., sviashch. *Polnyi tserkovno-slavianskii slovar'* [Full Church Slavonic dictionary]. Moscow, Izdat. Otdel Moskovskogo Patriarxata Publ., 1993. 1158 p. (In Russian)
- 5 Nasonov A. N. Iz istorii pskovskogo letopisaniia [Excerpts from the history of the Pskov Chronicles]. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete collection of Russian Chronicles]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2003. Vol. 5: Pskovskie letopisi [Pskov Chronicles]. Issue 1. 256 p. (In Russian)
- 6 Okhotnikova V. I. *Povest' o Dovmonte. (Issledovaniia i teksty)* [The story of Dovmont. (Research and texts)]. Leningrad, Nauka Publ., 1985. 232 p. (In Russian)
- 7 Okhotnikova V. I. *Povest' o pskovskom kniaze Dovmonte (K voprosu ob istochnikakh i avtore Rasprostranenoj redaktsii)* [The story of the Pskov Prince Dovmont (basing on the sources and the author of the Common edition)]. *Trudy otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian literature]. Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1979, vol. 33, pp. 261–278. (In Russian)
- 8 Okhotnikova V. I. *Pskovskaia agiografiia XIV–XVII vv. Issledovaniia i teksty: v 2 t.* [Pskov hagiography of XIV–XVII centuries, Studies and texts: in 2 vols.] St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2007. Vol. 1: Zhitiia kniazei Vsevoloda-Gavriila i Timofeia Dovmonta [The lives of the princes Vsevolod-Gabriel and Dovmont Timothy]. 576 p. (In Russian)
- 9 *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete collection of Russian Chronicles]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1949. Vol. 25: Moskovskii letopisnyi svod kontsa XV veka [The Moscow chronicle of the end of the XV century]. 464 p. (In Russian)
- 10 Serebrianskii N. I. *Drevnerusskie kniazheskie zhitiia: obzor redaktsii i teksty* [Old Russian princely hagiography: an overview of the editions and texts]. Moscow, Sinodal'naya tip. Publ., 1915. Part 1. 175 p. (In Russian)
- 11 Serebrianskii N. I. O tserkovnom chestvovanii sv. blagovernogo kniazia Dovmonta-Timofeia [About the Church celebration of the Holy Prince Dovmont-Timothy]. *Pskovskie eparkhial'nye vedomosti*, 1905, no 18, pp. 417–422. (In Russian)
- 12 *Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of Russian language of XI–XVII cc.]. Moscow, Nauka Publ., 1990. Vol. 16. 295 p. (In Russian)
- 13 *Slovar' tserkovno-slavianskogo i russkogo iazyka* [Dictionary of Church Slavonic and Russian]. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1847. Vol. 4. 488 p. (In Russian)

- 14 Sreznevskii I. I. *Materialy dlia slovaria drevnerusskogo iazyka* [Materials for the dictionary of Old Russian language]. St. Petersburg, Tipografia Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1893. Vol. 3. Part 2. 1420 column. (In Russian)
- 15 *Staroslavianskii slovar'* [Old Slavonic dictionary], ed. by R. M. Tseitlin and other. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1999. 842 p. (In Russian)